

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 930

Дата поступления: 14.07.2024
рецензирования: 25.08.2024
принятия: 15.11.2024**Технико-нормировочная работа в ленинградской промышленности
(1928–1937 гг.)****А.В. Колобова**Санкт-Петербургский институт истории РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: kolobova.asia@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-4918-702X>

Аннотация: Вопрос о плановом характере советской экономики, а также уровне жизни производственных рабочих в конце 1920-х – начале 1930-х гг. остается дискуссионным. Притом что нормы и расценки устанавливались в результате технического нормирования, ученые мало внимания обращали на этот аспект в организации деятельности промышленных предприятий. Однако обязательный объем работы и стоимость его выполнения не могли не учитываться при составлении перспективных производственных планов, определении размера оплаты труда. Целью статьи является анализ технико-нормировочной работы в ленинградской промышленности в 1928–1937 гг. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: изучить организационные и кадровые аспекты технико-нормировочной работы, установить основные методы нормирования, использовавшиеся на ленинградских фабриках и заводах, определить качество установленных норм и проследить наличие или отсутствие зависимости между состоянием технико-нормировочной работы на предприятии и выполнением производственных планов. С помощью конкретно-проблемного метода, системного подхода и структурно-функционального анализа была изучена управленческая документация производственных объединений и подведомственных им предприятий, отделов секретариата Ленинградского обкома и горкома ВКП(б). В итоге был сделан вывод, что, несмотря на взаимосвязь между успешным выполнением контрольных цифр и качеством технико-нормировочной работы, установление норм и расценок в малой степени способствовало разработке осуществимых планов и контрольных цифр. Техническое нормирование использовалось в качестве инструмента для решения финансовых проблем предприятий, достижения соответствия между реальными и плановыми показателями.

Ключевые слова: индустриализация; промышленность; техническое нормирование; нормы; расценки; рабочие; первые пятилетки.

Цитирование. Колобова А.В. Технико-нормировочная работа в ленинградской промышленности (1928–1937 гг.) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2024. Т. 30, № 4. С. 90–98. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-4-90-98>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Колобова А.В., 2024

Анастасия Вячеславовна Колобова – аспирант, отдел современной истории России, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, 197110, Россия, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7.

SCIENTIFIC ARTICLEReceived: 14.07.2024
Reviewed: 25.08.2024
Accepted: 15.11.2024**Technical standardization work in Leningrad industry (1928–1937)****A.V. Kolobova**Saint-Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: kolobova.asia@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-4918-702X>

Abstract: The question about the planned nature of the Soviet economy, as well as standard of living of production workers in the late 1920-ies and early 1930-ies remains controversial in science. Despite the fact that the establishment of standards and prices for certain types of work depended on technical regulation, scientists paid little attention to this aspect of organizing the activities of industrial enterprises. However, the required amount of work and the cost of its implementation could not be ignored when drawing up long-term production plans and determining the amount of remuneration. The purpose of the article is to analyze technical standardization work in Leningrad industry in 1928–1937. To achieve the goal, the following tasks were set: to study the organizational and personnel aspects of technical standardization work, to establish the basic methods of standardization used in Leningrad factories and plants, to determine the quality of established standards and to monitor the presence or absence of a relationship between the state of technical standardization work at the enterprise and the implementation of production plans. Using a specific problem method, a systematic approach and structural-functional analysis, the management documentation of production associations and their subordinate enterprises, departments of the secretariat of the Leningrad Regional Committee and the city committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks was studied. As a result, it was concluded that, despite the

relationship between the successful implementation of target figures and the quality of technical standardization work, the establishment of standards and prices contributed little to the development of feasible plans and target figures. Technical standardization was used as a tool to solve the financial problems of enterprises and achieve compliance between real and planned indicators.

Key words: industrialization; industry; technical regulation; norm; prices; workers; first five-year plans.

Citation. Kolobova A.V. Technical standardization work in Leningrad industry (1928–1937). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 90–98. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-4-90-98>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declared no conflicts of interest.

© Kolobova A.V., 2024

Anastasiia V. Kolobova – postgraduate student, Department of Contemporary History, Saint Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences, 7, Petrozavodskaya Street, Saint Petersburg, 197110, Russian Federation.

Введение

В условиях ускоренной индустриализации конца 1920-х – 1930-х гг. вопрос о рациональном управлении трудовыми ресурсами в промышленности стоял особенно остро, поэтому принципы научной организации труда, впервые изложенные американцем Ф.У. Тейлором, с интересом изучались в СССР. Наряду с рационализацией производства технико-нормировочная работа должна была привести к более эффективному использованию производственных мощностей, росту производительности труда и вследствие этого к снижению себестоимости продукции.

Несмотря на большое значение, которые современники придавали технико-нормировочной работе и научной организации труда, в советской историографии этим вопросам не уделялось должного внимания. Нормы рассматривались исключительно в контексте их перевыполнения, установления производственных рекордов и служили аргументом в защиту тезиса об успешном развитии советской промышленности в годы первых пятилеток [Вдовин, Дробижев 1976; Ежов, Китанина, Дзенискевич 1975].

В современной литературе установление норм и расценок рассматривалось в контексте изучения мотивации к труду [Журавлев, Мухин 2004; Маркевич, Соколов 2005; Постников, Фельдман 2009, с. 75–76]. Оригинальный взгляд на изучение технико-нормировочной работы предложил американский экономист П. Грегори [Грегори 2008]. По его мнению, нормы выработки служили средством регулирования и заработной платы рабочих, и увеличения производительности труда. Повышение или понижение норм способствовало реализации одной из возможных стратегий государства в области экономического развития: оно могло вести к росту инвестиций в промышленность или создавать условия для роста потребления. Непосредственно технико-нормировочной работе в системе экономики ГУЛАГа посвящена статья А.Н. Кустышева [Кустышев 2019].

Целью данной работы является анализ технико-нормировочной работы в ленинградской промышленности в 1928–1937 гг.

Ход исследования

В Ленинграде создание органов, ответственных за установление норм выработки и расценок

на отдельные виды работы, пришлось на период новой экономической политики (НЭП). По свидетельству С.Е. Готмана (в 1925–1930 гг. доцента экономического факультета Ленинградского Политехнического института, в 1930–1934 гг. профессора кафедры организации труда и технормирования Ленинградского машиностроительного института), тарифно-нормировочные бюро (ТНБ) возникли в промышленности в 1923–1925 годах [Готман 1928, с. 140].

Несмотря на то что к началу индустриализации большинство ленинградских предприятий не имели опыта технико-нормировочной работы, на техническое нормирование возлагались большие надежды. С ним связывалась рационализация производства, следствием которой было бы не только увеличение производительности труда, но и снижение себестоимости продукции. Предполагалось, что установление норм и расценок также создаст основу для нормального планирования на краткосрочную и долгосрочную перспективу.

В 1926 г. Председатель ВСНХ СССР издал приказ, согласно которому технико-нормировочная работа должна была находиться в ведении отделов экономики труда (ОЭТ). Обследование, проведенное на ленинградских фабриках и заводах в 1928 г. уже после утверждения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства, показало, что отделы экономики труда имеются не на всех предприятиях. Так, из семи заводов треста Ленинградских заводов массового производства («Тремасс») ОЭТ были организованы только на двух: «Красном гвоздильщике» и «Вулкане». На остальных предприятиях действовали тарифно-нормировочные бюро, которые фактически выполняли все функции отделов экономики труда (ЦГА СПб. Ф. Р-1961. Оп. 7. Д. 72. Л. 8). В 1929 г. на фабриках и заводах, подведомственных Государственному тресту Ленинградской швейной промышленности «Ленинграддежда», технико-нормировочной работой в большинстве своем также занимались ТНБ (ЦГА СПб. Ф. Р-1728. Оп. 149. Д. 47. Л. 41).

Впоследствии отделы экономики труда были организованы на большинстве фабрик и заводов Ленинграда. Они занимались разработкой плановых и контрольных цифр, подбором и подготовкой кадров, проблемами оплаты труда, при этом установление норм и расценок составляло функциональное ядро работы новых органов. Не исклю-

чено, что в ряде случаев имело место формальное переименование тарифно-нормировочных бюро в отделы экономики труда.

Сосредоточение технического нормирования в ведении органов по труду, которыми являлись отделы экономики труда, не было бесспорным. Установление норм и расценок подразумевало знание производственных процессов, поэтому, например, директор Центрального института труда А.К. Гастев считал, что «изучение трудовых приемов необходимо производить на базе и в связи с изучением чисто технических моментов производства и обязательно на базе инженерной работы» [Гастев 1929, с. 66]. Органы по труду были частью административно-хозяйственного аппарата предприятий и лишь косвенным образом касались производства, что отрицательно сказывалось на качестве технико-нормировочной работы. С целью исправить ситуацию в годы первой и второй пятилетки предпринимались попытки передать техническое нормирование в цеха.

В 1931 г. приближение технико-нормировочной работы к производству связывалось с реализацией так называемых шести условий И.В. Сталина – комплекса хозяйственно-политических мероприятий, от которых зависело дальнейшее развитие промышленности. Притом что генеральный секретарь ЦК ВКП(б) не говорил об изменениях в организации технического нормирования на фабриках и заводах, руководство ряда ленинградских предприятий сделало вывод, что без структурной перестройки органов по труду претворить изложенную программу в жизнь не получится. Например, на фабриках и заводах, подчиненных Ленинградскому тресту кожевенно-обувной промышленности, в 1931 г. структура аппарата технического нормирования перестраивалась несколько раз в целях приближения его работы к цеху (ЦГА СПб. Ф. Р-2061. Оп. 22. Д. 53. Л. 2, 57, 61, 79, 86). Нормировщики и хронометражисты переводились в производственные подразделения, закреплялись за ними, в цехах образовывались нормировочные ячейки.

В 1933 г. вопросы технического нормирования вновь оказались в центре внимания государства. Побудительным мотивом к изменению организационной структуры нормировочных органов явились постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О работе угольной промышленности Донбасса» от 8 апреля 1933 г. и «О работе железнодорожного транспорта» от 3 июля 1933 г. Оба документа осуждали канцелярско-бюрократический метод руководства в промышленности и на железнодорожном транспорте. В частности, критиковалось такое положение, «когда ответственное дело нормирования труда и установления расценок поручено не мастерам и другим оперативным руководителям <...>, а второстепенным работникам из канцелярий, оторванным от живой работы» (Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам 1967, с. 428).

В постановлениях СНК СССР и ЦК ВКП(б) критике были подвергнуты угольная промышлен-

ность Донбасса и железнодорожный транспорт, однако выводы о необходимости приблизить технико-нормировочную работу к производству распространялись на предприятия и других отраслей. Очередная реорганизация отделов, секторов и других структур, ответственных за установление норм и расценок, коснулась значительного числа фабрик и заводов Ленинграда.

Проведенные мероприятия не изменили положения дел, при котором нормировщики и хронометражисты работали на административные отделы фабрик и заводов, а не на производство. Не в последнюю очередь причиной этому была организационная неупорядоченность в деятельности предприятий. Автор «Дополнений к справке о состоянии технико-нормировочной работы и извращениях в оплате труда стахановцев на ленинградских предприятиях» в конце 1935 г. отмечал «разношерстность» в устройстве органов по нормированию. По его словам, на многих фабриках и заводах определение норм и расценок сосредотачивалось в планово-экономических, а не в технических отделах предприятий (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 13. Д. 373. Л. 18).

Кроме технического нормирования органы по труду контролировали правильность соблюдения коллективных договоров и дополнительных соглашений, вели учет и анализ производительности труда и заработной платы, устанавливали нормальные штаты предприятий и соотношения между отдельными категориями работающих. Для обеспечения эффективной работы требовалось распределить обязанности между сотрудниками, четко установить, кто отвечает за то или иное направление, в частности за техническое нормирование.

Фабрики и заводы предпринимали попытки разделить функции между сотрудниками за счет создания разнообразных подотделов, секторов и бюро с определенным профилем деятельности. Например, на заводе «Красный Путиловец» в 1929 г. отдел экономики труда включал в себя общий, расчетно-учетный подотделы, подотделы охраны труда, нормирования и воспроизводства квалифицированной рабочей силы (Весь Ленинград 1929, с. 417). В 1933 г. в составе общего отдела Северной судостроительной верфи имелся сектор проверки исполнения, тарифно-экономический сектор, сектор технического нормирования (Весь Ленинград 1933, с. 75.) и др.

Удар по действенной системе распределения обязанностей между разнообразными подотделами, секторами и бюро наносила чуть ли не ежегодная реорганизация, которая приводила к передаче технико-нормировочной работы из одной структуры в другую.

В первые годы препятствием эффективному разделению обязанностей могли быть ограниченные штаты ОЭТ и других структур, ответственных за данный вид деятельности. Со временем количество сотрудников, занятых в органах по труду,

возрастало. В этом отношении показательна динамика численности работников ОЭТ по предприятиям Ленинградского государственного треста кожевенно-обувной промышленности. Если в 1928 г. в ТНБ фабрик и заводов состояло по одному-двум работникам (ЦГА СПб. Ф. Р-2061. Оп. 147. Д. 198. Л. 13–17), то в 1933 г. в составе органов по техническому нормированию числилось от 9 до 19 человек (ЦГА СПб. Ф. Р-2061. Оп. 69. Д. 5. Л. 1–3).

Вместе с тем и в первую, и во вторую пятилетку предприятия ленинградской промышленности ощущали недостаток квалифицированных работников. Сотрудников, которые наряду с инженерным или технологическим образованием являлись дипломированными специалистами в области нормирования труда, на рынке практически не было. Обычно работник разбирался в чем-то одном. Так, в ОЭТ треста Ленинградского государственного маслобойно-маргаринового треста («Ленрасмасло») в 1932 г. работал технолог, а не специалист по техническому нормированию (ЦГА СПб. Ф. Р-6474. Оп. 1. Д. 1. Л. 84 об.). На заводе «Красная вагранка» в 1936 г., наоборот, в штате были специалисты по нормированию, а органы по труду нуждались в технологиях (ЦГА СПб. Ф. Р-1119. Оп. 2. Д. 120. Л. 79 об.).

В конечном итоге большое количество обязанностей, возложенных на отделы экономики труда, проблема укомплектования штатов в количественном и качественном отношении, недостаточное разграничение полномочий между сотрудниками создавали расплывчатое представление о задачах органов по труду в целом и задачах технического нормирования в частности. Работники завода «Красный выборжец», в котором отдел экономики труда был создан одним из первых в городе, еще в 1928 г. говорили о неопределенности «физиономии ОЭТ как функционального органа заводоуправления». «Только ли расценочный орган или расценочный с планировочными и рационализаторскими элементами работы; только ли контролирующий орган с карательными функциями или, подобно испытательной станции, орган технико-трудового надзора, совета по текущим вопросам заводской жизни» (ЦГА СПб. Ф. Р-1633. Оп. 15. Д. 71. Л. 1), – указывалось в тезисах доклада «Перспективный план работы ОЭТ» завода.

В период первой пятилетки для нормирования труда в основном использовались фотография рабочего дня и хронометраж. Согласно существовавшим в это время теоретическим разработкам, оба метода относились к числу научных. Н.К. Попов, профсоюзный деятель 1920-х – 1930-х гг., считал, что, в отличие от опытного и статистического методов, фотография рабочего дня и хронометраж более достоверные и опираются на научные данные [Попов 1929, с. 37]. При этом он делал оговорку: указанные методы можно использовать при условии проведенной паспортизации станков, правильного учета их загрузки и наличия данных о влиянии условий работы на организм рабочего.

Поскольку большинство предприятий ленинградской промышленности не соответствовали этим требованиям, в процессе фотографии рабочего дня и хронометража большую роль играл субъективный фактор.

В деятельности нормировщиков и хронометражистов он проявлялся в том, что нормы устанавливались без опоры на произведенный хронометраж и фотографию рабочего дня. В 1930 г. случаи «нормирования “на глазок”» имели место на предприятиях Государственного треста ленинградских заводов массового производства («Тремасс») (ЦГА СПб. Ф. Р-1961. Оп. 2. Д. 279. Л. 10). В 1932 г. о том, что нормы устанавливаются произвольно на усмотрение нормировщиков, говорил сотрудник одного из колбасных заводов города (ЦГА СПб. Ф. Р-6474. Оп. 1. Д. 1. Л. 85).

Субъективный характер норм происходил не только от отсутствия специальных знаний у сотрудников по труду, но и от проблем во взаимоотношениях между нормировщиками и хронометражистами, с одной стороны, и рабочими – с другой. Случалось, что производственники требовали изменить установленные нормы и расценки. Противодействие рабочих, часто поддерживаемое представителями цеховой администрации, в первую очередь мастерами, заставляло технико-нормировочные органы идти на уступки. Например, в 1928 г. на заводе «Большевик» производственный работник потребовал увеличить расценки на выполняемую работу, после чего «нормировщик прибавил 50 %, а затем 75 %» (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 5. Д. 503. Л. 54).

В основе технико-нормировочной работы в СССР лежала система, разработанная американским инженером Ф.У. Тейлором, который полагал, что объектом наблюдения для установления норм должен быть лучший рабочий. В этой связи в официальных документах указывалось, что нормы выработки устанавливаются «из расчета на хорошего работника (ударника)» (ЦГА СПб. Ф. Р-1633. Оп. 15. Д. 171. Л. 29), а впоследствии – стахановца. Выбирать в качестве объекта наблюдения «лучшего» рабочего рекомендовал и А.К. Гастев. По крайней мере, он утверждал, что в деле нормирования установка должна быть на нормы, которые еще только предстоит достигнуть [Гастев 1929, с. 12]. Теоретически этот подход давал возможность запланировать общий рост производительности труда и связанное с ним увеличение выработки продукции.

В СССР, как заметил Н.К. Попов, этот метод часто смягчали, стараясь «ориентироваться не на лучшего, а на хорошего («лучшего из средних») или даже среднего рабочего» [Попов 1929, с. 51]. Производственники, а иногда и представители цеховой администрации были заинтересованы в нормах, перевыполнение которых не стоило больших трудозатрат и гарантировало дополнительный доход. По этой причине далеко не всегда хронометраж и фотография рабочего дня производились

по «лучшему» рабочему. Например, сотрудник Галошного завода в 1933 г. отмечал, что начальник одного из цехов «хотел допустить, чтобы хронометражист брал нормы на среднего плохенького рабочего» (ЦГА СПб. Ф. Р-1957. Оп. 1. Д. 1724. Л. 21).

В количественном отношении большинство производственников имели среднюю квалификацию (ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 20. Д. 69. Л. 29). При этом общий уровень профессиональных навыков даже среднеквалифицированных рабочих оставался невысоким. В этой связи нормы, установленные в результате обследования работы «среднего» или «хорошего» производственника, в большей степени соответствовали действительным возможностям рабочих ленинградских предприятий, чем нормы, рассчитанные на «лучшего». Вместе с тем нормирование на «среднего» или «хорошего» рабочего не учитывало повышения его квалификации, следствием которого являлось перевыполнение норм и вытекающее из этого отклонение от плана.

Формальное использование хронометража и фотографий рабочего дня при установлении норм и расценок привело к дискредитации этих методов. С 1931 г. упор был сделан на «технически обоснованные нормы», главной предпосылкой к разработке которых являлось составление паспортов производственного оборудования. Предприятия должны были подвести базу технического нормирования под все постоянно действующие нормы, осуществить увязку технологического процесса и технического нормирования (см., напр.: ЦГА СПб. Ф. Р-1119. Оп. 1. Д. 335. Л. 2 об.; ЦГА СПб. Ф. Р-1957. Оп. 1. Д. 1724. Л. 2 об.). При этом на крупных предприятиях паспортизация проводилась ранее (ЦГА СПб. Ф. Р-1788. Оп. 23. Д. 111. Л. 540).

Производившийся пересмотр норм имел выраженную тенденцию к их повышению. При этом, согласно отчетным данным, в среднем рабочие из года в год не только выполняли, но и перевыполняли установленные нормы выработки. Обращает внимание, что, по статистическим сведениям, даже обязательный объем работы, установленный в связи с развитием стахановского движения, оказался выполнимым для большинства производственников. Например, из отчета Ленинградского государственного треста кожевенной промышленности следовало, что в 1936 г. 76, 2 % рабочих было переведено на новые повышенные нормы, 84, 5 % рабочих их перевыполняли (ЦГА СПб. Ф. Р-2061. Оп. 134. Д. 46. Л. 126 об.). В апреле 1937 г. представитель трубного цеха завода им. К.Е. Ворошилова на совещании, посвященном пересмотру норм, сообщил, что «в прошлом году ужесточили нормы на 37 %, за год перевыполнение достигает 20 % и невыполнения не было» (ЦГА СПб. Ф. Р-1633. Оп. 15. Д. 407. Л. 9 об.).

На фабриках и заводах легкой промышленности ситуация с выполнением норм была хуже, чем на предприятиях тяжелой промышленности. Наибольшие трудности в освоении норм выработки

испытывали предприятия хлопчатобумажной промышленности. В 1-ю декаду июня 1936 г. только 27,7 % рабочих основных профессий на фабриках и заводах Ленинградского государственного хлопчатобумажного треста («Ленхлопром») выполняли новые нормы (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 2в. Д. 1705. Л. 15). Впрочем, на предприятиях, подведомственных НКТП, также имелись случаи невыполнения норм выработки. Причем иногда проблемы испытывала не фабрика или завод в целом, а отдельные его подразделения. В арматурно-механическом цехе судостроительного завода им. А.А. Жданова, например, в 1936 г. из 387 человек нормы не выполняли 130 человек, в том числе 45 стахановцев (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 2в. Д. 1671. Л. 82).

Выполнение даже повышенных норм большинством рабочих объяснялось не только улучшением их производственных навыков и, следовательно, ростом производительности труда, но и качеством самих норм. Проблемы, связанные с организационным устройством органов, ответственных за техническое нормирование, разделением обязанностей и кадровым составом, в годы второго пятилетнего плана не были изжиты. Вследствие этого техническое обоснование норм оставляло желать лучшего. В справке «Об итогах пересмотра норм на предприятиях промышленности Ленинградской области», отправленной первому секретарю Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) А.А. Жданову в июне 1935 г., указывалось, что «по 90 предприятиям тяжелой промышленности методами технического обоснования (хронометражем, техническими расчетами и таблицами нормалей) пересматривалось только 46 % общего количества норм, подлежащих изменению» (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 2в. Д. 1052. Л. 13).

К концу второй пятилетки успехи в деле внедрения технически обоснованных норм не были повсеместными. Даже внутри предприятия ситуация отличалась от одного цеха к другому. Если в целом по заводу «Красный выборжец» проблем с выполнением норм не было, то в посудно-давальном цехе, по словам работницы, нормы регулярно не выполнялись (ЦГА СПб. Ф. Р-1633. Оп. 15. Д. 407. Л. 10 об.). Паспорта, составленные на техническое оборудование, за пару лет устаревали, вследствие чего установленные нормы не соответствовали возможностям производства. Об этом, в частности, говорилось в отчете о результатах обследования технико-нормировочной работы на заводе им. И.Е. Котлякова (ЦГА СПб. Ф. Р-1119. Оп. 2. Д. 120. Л. 79.). Высокая текучесть рабочей силы также подрывала техническое нормирование. Квалифицированные производственники, способные не только выполнить, но и перевыполнить нормы, увольнялись, а рабочие, приходившие им на смену, зачастую не имели знаний и навыков, необходимых для выполнения положенного объема работ.

В целом развернувшаяся с 1931 г. борьба за технически обоснованные нормы была частью оче-

редной хозяйственно-политической кампании — на этот раз по внедрению технического промышленно-финансового плана (техпромфинплана). Считалось, что план, составленный на основе технико-нормировочных данных, окажется не просто набором абстрактных цифр, а реальной программой развития производства. Так, коллектив авторов многотомной «Истории социалистической экономики СССР» полагал, что «переход к техпромфинплану явился серьезным сдвигом в планировании. В его основе лежали технико-экономические показатели, основанные на передовых прогрессивных технических нормативах и детально разработанном технологическом процессе производства» [История социалистической экономики СССР 1978, с. 42.].

Проблема заключалась в том, что методы технического нормирования, применявшиеся на предприятиях ленинградской промышленности, в малой степени отражали действительный трудовой потенциал работников. Нормирование «на глазок», дача заниженных норм и недостаточное изучение оборудования приводили к тому, что техническое нормирование не могло стать надежной основой для дальнейшего планирования. В этом отношении показательно, что еще в 1931 г. Народный комиссариат труда РСФСР указал на безусловную связь между «неудовлетворительным выполнением промфинплана и слабым состоянием технического нормирования» (ГАРФ. Ф. Р-5515. Оп. 16. Д. 130. Л. 49).

Стахановское движение не только, как говорила официальная пропаганда, «опрокинуло» старые нормы, но и ударило по техническому нормированию как таковому. Стахановскому движению и стахановским нормам отдавался приоритет перед технико-нормировочной работой, которая отныне должна была играть вспомогательную роль. Так, в докладе, озвученном на отраслевой конференции Всесоюзного объединения оптико-механической промышленности в 1936 г., обосновывалась необходимость пересмотреть заводские руководящие материалы и нормативы по технормированию на основе учета стахановских методов работы (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 2в. Д. 1699. Л. 84). А.А. Жданов, первый секретарь ленинградского обкома и горкома ВКП(б), присутствовавший на конференции, в своем выступлении назвал огромной заслугой стахановцев, что им удалось «отойти от законодательства нормировщиков» (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 2в. Д. 1699. Л. 150).

Сотрудники, занятые техническим нормированием, должны были изучить работу стахановцев, определить, за счет каких методов они добиваются высоких результатов, и передать их опыт другим. Анализ отдельных операций входил в обязанности работников ТНБ, ОЭТ и других структур и в предшествующие годы. Благодаря этому становилась возможной рационализация некоторых процессов. К примеру, на швейной фабрике им. В. Володарского в 1928–1929 гг. в основе внедренных в про-

изводство рационализаторских предложений лежал хронометраж по элементам работ (ЦГА СПб. Ф. Р-1728. Оп. 149. Д. 47. Л. 15).

После публикации в газете «Правда» статьи о рекорде А.Г. Стаханова общественные объединения и заводская администрация использовали технико-нормировочные данные для того, чтобы сделать работу производственников более эффективной. В результате хозяйственно-административные организации сформулировали правила, соблюдая которые рабочие могли в несколько раз перевыполнить производственные нормы. Соответственно, стахановские методы работы в определенной степени являлись продуктом технико-нормировочной работы (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-25. Оп. 2. Д. 172).

Новые нормы устанавливались в расчете на их скорое перевыполнение и не воспринимались как надежная база для контрольных цифр. Их задачей было стимулировать производственников осваивать стахановские методы работы. В докладе на отраслевой конференции ВООМПа по этому поводу было сказано: «...после пересмотра норм лучшие стахановцы, дающие 152 шт., будут иметь при той же выработке ту же зарплату. Создается стимул, чтобы новые группы рабочих подтянулись к этому уровню» (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 2в. Д. 1699. Л. 55).

Нормы должны были предусматривать рост производительности труда, в прямой зависимости от которого находился фонд заработной платы. Установленное планом соотношение темпов роста заработной платы и производительности труда, основу которого составляли результаты технико-нормировочной работы, в действительности часто нарушалось. Вследствие того что производительность труда росла медленнее, чем заработная плата, обычным явлением стал перерасход фондов оплаты труда. С этой проблемой столкнулось большинство предприятий ленинградской промышленности.

Поскольку согласовать темпы роста заработной платы и производительности труда друг с другом не получалось, административно-хозяйственные органы предприятий использовали пересмотр норм выработки и расценок как средство снижения себестоимости продукции и достижения большей экономии денежных средств.

Согласно методическим рекомендациям 1920-х — 1930-х гг., основанием для пересмотра норм выработки являлось изменение технических условий производства [Попов 1929, с. 5]. Официально администрация фабрик и заводов Ленинграда также стояла на той точке зрения, что технико-нормировочные органы обязаны контролировать ход производства и по мере необходимости ставить вопрос об изменении норм. В некоторых случаях порядок этой работы определялся коллективным договором. Так, на заводе «Красный выборжец» пересмотр норм выработки и расценок должен был проводиться «согласно планов, разработанных

ных заводоуправлением и согласованных с заводом» (ЦГА СПб. Ф. Р-1633. Оп. 15. Д. 171. Л. 28).

Сложившийся порядок пересмотра норм часто противоречил как существующим методическим рекомендациям, так и официальным установкам на этот счет. Обычно заводская администрация возбуждала вопрос о пересмотре норм выработки, когда очевидной становилась разница в темпах роста производительности труда и заработной платы. Основная цель заключалась в том, чтобы добиться большей экономии и снизить себестоимость продукции. Так, в 1928 г. правление Ленинградского областного пищевого треста считало необходимым «закончить в кратчайшее время пересмотр норм выработки и расценок» с тем, чтобы достигнуть «еще большего усиления темпа производительности над темпом зарплат» (ЦГА СПб. Ф. Р-1820. Оп. 1. Д. 92. Л. 21 об.). В приказе Ленинградского государственного треста заводов пароводопроводной арматуры и насосов «Знамя труда», изданном 21 февраля 1930 г., для устранения разрыва между «зарплатой рабочих и выработкой продукции» директорам предприятий предлагалось принять меры к выполнению плана по пересмотру норм и расценок (ЦГА СПб. Ф. Р-1245. Оп. 2. Д. 36. Л. 158).

Для заводской администрации пересмотр норм и расценок был одним из средств выполнения контрольных цифр, по крайней мере в части снижения себестоимости продукции. Уже в годы первой пятилетки на этапе составления квартальных и годовых планов высчитывалась сумма экономии, которую предполагалось получить после изменения норм и расценок. Например, трест «Ленлитмех» в 1931 г. планировал добиться наибольшего роста производства и экономии за счет рационализации технологических процессов, пересмотра норм и расценок и уменьшения брака (ЦГА СПб. Ф. Р-1119. Оп. 1. Д. 646. Л. 9). Улучшение состава рабочих, уменьшение их невыходов и уплотнение рабочего дня не давали такого же результата. В 1933 г. на совещании о результатах колдоговорной кампании и пересмотре норм и расценок представитель завода «Красный инструментальщик» откровенно сказал, что «решающим моментом снижения себестоимости у нас является, главным образом, зарплата» (ЦГА СПб. Ф. Р-1957 Оп. 1. Д. 1724. Л. 7).

Не на всех предприятиях удавалось использовать этот механизм. К примеру, на фабриках и заводах Всесоюзного объединения текстильной промышленности «близкие соотношения фактической выработки и технически возможных норм по большинству механизированных работ» сделали невозможным получение существенной экономии денежных средств в результате пересмотра норм (ГАРФ. Ф. Р-5515. Оп. 16. Д. 130. Л. 1). В то же время это мероприятие применялось в разных отраслях промышленности и считалось эффективным способом снижения себестоимости продукции.

Нормы не отражали действительных мощностей оборудования и трудового потенциала работ-

ников. По этой причине планы или контрольные цифры, составленные из расчета на существующие нормы и расценки, имели ориентировочный характер. Их значение сводилось главным образом к созданию у производителей заинтересованности в том, чтобы больше работать и, перевыполняя нормы, улучшать собственное материальное благосостояние. Неслучайно А.М. Цихон, народный комиссар труда СССР, в беседе с иностранной делегацией 3 мая 1931 г. сказал, что технико-нормировочная работа и сдельщина стоят в центре внимания властей как «мощные рычаги поднятия производительности труда, укрепления трудовой дисциплины» (ГАРФ. Ф. Р-5515. Оп. 1. Д. 314. Л. 97).

В итоге не производственные планы и контрольные цифры по труду основывались на результатах технико-нормировочной работы, а наоборот, нормы и расценки становились инструментом, с помощью которого администрация приводила реальные показатели в соответствие с плановыми.

Нормы выработки и расценки на одинаковые виды работ отличались как на предприятиях разных трестов и производственных объединений, так и на фабриках и заводах, подведомственных одному тресту. Администрация предприятий неоднократно выступала с инициативой унифицировать нормы и расценки хотя бы на фабриках и заводах одного треста или производственного объединения. Подобные предложения не всегда находили поддержку в вышестоящих органах, полагавших, что сложившееся положение дел – нормальное явление, вызванное разностью производственных процессов на предприятиях. В этом отношении показательно, что идеолог технико-нормировочной работы А.К. Гастев предостерегал от единого нормировочного подхода «независимо от типа производства и сопряженного с ним типа рабочего» [Гастев 1929, с. 13].

Впрочем, даже достигнутую договоренность об унификации норм и расценок между предприятиями треста или производственного объединения зачастую не удавалось претворить в жизнь. Препятствием этому служил изначально разный уровень заработной платы рабочих. Сумма, оптимальная для одних фабрик и заводов, оказывалась неприемлемой для других. Например, в 1928 г. предприятия Ленинградского государственного текстильного треста («Ленинградтекстиль») предприняли попытку увязать заработную плату на 7 фабриках. Вскоре после начала работы по пересмотру норм выработки встал вопрос о том, какой размер заработной платы взять за основу. Одним предприятиям было выгодно исходить из суммы, заработанной в феврале 1928 г., другим – в августе-сентябре 1927 г. В конечном итоге договориться о единой для всех цифре не удалось (ЦГА СПб. Ф. Р-1727. Оп. 43. Д. 84. Л. 7 об.).

Случалось, что нормы и расценки на одну и ту же работу разнились даже внутри отдельно взятого предприятия. Их размер менялся в зависимости от цеха, мастерской или отделения. Еще в 1928 г. С.Е. Готман зафиксировал, что на фабриках и за-

водах ленинградской промышленности имеются выгодные и невыгодные работы. Проведенное обследование позволило сделать доценту экономического факультета Ленинградского политехнического института вывод, что основной причиной «выгодности» и «невыгодности» работ являлась неодинаковая степень жесткости норм [Готман 1928, с. 128].

Разнобой в нормах и расценках порождал текучесть рабочей силы. Безусловно, это была лишь одна из причин частой сменяемости кадров промышленных предприятий. Однако возможность получить больший заработок за одну и ту же работу на разных фабриках и заводах способствовал мобильности производственников. В 1928 г. на совещании при ОТЭ ВЦСПС, посвященном проблеме текучести, представитель ВСНХ РСФСР обратил внимание на то, что «следует проработать вопросы о неравномерной оплате однородных профессий» (ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 13. Д. 344. Л. 22).

В наибольшей степени от существующего расхождения в оплате труда однородных профессий страдали предприятия легкой промышленности. Заработная плата в тяжелой индустрии была выше, поэтому рабочие со специальностью, востребованной на металлургических, машиностроительных и других фабриках и заводах, при трудоустройстве отдавали предпочтение более прибыльным отраслям. К примеру, в годовом отчете по труду прядильно-ткацкой фабрики «Рабочий» за 1929–1930 гг. отмечался перелив квалифицированной мужской рабсилы в другие отрасли промышленности с целью получения большей зарплаты и отчасти получения квалификации» (ЦГА СПб. Ф. Р-1649. Оп. 4. Д. 34. Л. 9 об.).

Предполагалось, что исправить положение поможет технико-нормировочная работа. Однако пересмотр норм и расценок часто имел обратное действие. Он не только не устранял разнобоя, следствием которого являлась текучесть, но воспроизводил его, провоцируя мобильность производственников. После повышения норм и снижения расценок заработок рабочих уменьшался, что заставляло их отправляться на поиски другого места работы. На Балтийском заводе в 1931 г. подручные сборщики зарабатывали до 200 рублей, в 1932 г. после пересмотра норм и расценок их заработок упал до 120 рублей (ЦГА СПб. Ф. Р-1957.

Оп. 2. Д. 1680. Л. 29). Работник завода «Красный выборжец» 5 апреля 1937 г. на совещании начальников цехов, технологов, мастеров и стахановцев возмущался, что после изменения расценок в смену можно было заработать не более 5 рублей. По его словам, «ненормальные» расценки приводили к текучести (ЦГА СПб. Ф. Р-1633. Оп. 15. Д. 407. Л. 11).

Таким образом, вследствие организационных сложностей, недостатка квалифицированных кадров, а также искажения «научных методов» нормирования технико-нормировочная работа в ленинградской промышленности не способствовала разработке осуществимых контрольных цифр и планов предприятий. Пересмотр норм и расценок использовался для достижения соответствия между темпом роста заработной платы и темпом роста производительности труда, который обычно отставал от первого. Изменение обязательного объема работ, проводившееся часто без учета реальных возможностей производства, позволяло за счет снижения заработной платы добиваться уменьшения себестоимости продукции. Иными словами, технико-нормировочная работа являлась инструментом для решения финансовых проблем предприятий, причем достигать соответствия между реальными и плановыми показателями нередко удавалось ценой ухудшения качества жизни рабочих.

Существующая научная литература свидетельствует о том, что недостаток квалифицированных специалистов, конфликты между нормировщиками и производственниками, часто недостаточно обоснованные условиями производства нормы, а также отсутствие жесткой увязки планов и контрольных цифр с обязательным объемом работ характеризовали технико-нормировочную работу не только на предприятиях ленинградской промышленности, но и фабриках и заводах в других городах СССР и в секторе принудительного труда даже в более поздние годы. Однако вопрос о том, использовалось ли техническое нормирование в качестве инструмента для решения финансовых проблем, с помощью которого, в частности, можно было добиться соответствия плановых цифр и реальных показателей, в других регионах Советского Союза, требует дальнейшего научного исследования, основанного на анализе архивных материалов федеральных и региональных архивов.

Материалы исследования

Весь Ленинград 1929 – *Весь Ленинград*: адресная и справочная книга. Ленинград: Орготдел Ленинградского облисполкома и Ленинградского совета, 1929. 1514 с.

Весь Ленинград 1933 – *Весь Ленинград*: адресная и справочная книга. Ленинград: Изд-во Ленинградского облисполкома и Ленинградского совета, 1933. 1172 с.

Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам 1967 – *Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам*: сборник документов за 50 лет: в 5 т. Москва: Политиздат, 1967. Т. 1. 1917–1928. 783 с.

ЦГА СПб – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга.

ЦГАИПД СПб – Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Библиографический список

- Вдовин, Дробижев 1976 – *Вдовин А.И., Дробижев В.З.* Рост рабочего класса СССР 1917–1940 гг. Москва: Мысль, 1976. 264 с. Available at: <https://archive.org/details/19171940.OCR/Вдовин%2CDробижев%20-%20Рост%20рабочего%20класса%20СССР%201917-1940%20гг.%20-%20OCR/mode/2up>.
- Гастев 1929 – *Гастев А.К.* Нормирование и организация труда: (Общее введение в проблему). Москва: Книгоиздательство ВЦСПС, 1929. 117 с. URL: <https://traumlibrary.ru/book/gastev-kak-nado-rabotat/gastev-kak-nado-rabotat.html>.
- Готман 1928 – *Готман С.Е.* Нормирование труда в промышленности: Из ленинградской практики. Ленинград: Техника и производство, 1928. 146 с.
- Грегори 2008 – *Грегори П.* Политическая экономия сталинизма. Москва: РОССПЭН, 2008. 400 с. URL: <https://djvu.online/file/ylQVlXn63X97q>.
- Ежов, Китанина, Дзенискевич 1975 – *Ежов В.А., Китанина Т.М., Дзенискевич А.Р.* Рабочие Ленинграда, 1703–1975: Краткий исторический очерк. Ленинград: Наука, 1975. 359 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32251234>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yleqir>.
- Журавлев, Мухин 2004 – *Журавлев С.В., Мухин М.Ю.* «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. Москва: РОССПЭН, 2004. 240 с. URL: https://vk.com/wall-176345677_2630.
- История социалистической экономики СССР 1978 – *История социалистической экономики СССР*: в 7 т. Москва: Наука, 1978. Т. 4. 519 с. URL: <https://djvu.online/file/7eZGTmD7XEt3J>.
- Кустышев 2019 – *Кустышев А.Н.* Проблемы технического нормирования труда в производственном секторе НКВД – МВД СССР // *Экономическая история*. 2019. Т. 15, № 1 (44). С. 82–90. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37104620>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ppzmlv>.
- Маркевич, Соколов 2005 – *Маркевич А.М., Соколов А.К.* «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883–2001 гг. Москва: РОССПЭН, 2005. 368 с. URL: <https://djvu.online/file/BeNyXMBiz7iGO>.
- Попов 1929 – *Попов Н.К.* Фабзавком и нормирование труда. Москва: Книгоиздательство ВЦСПС, 1929. 92 с.
- Постников, Фельдман 2009 – *Постников С.П., Фельдман М.А.* Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. Москва: РОССПЭН, 2009. 367 с. URL: https://www.phantastike.com/history/sociocultural_image/pdf.

References

- Vdovin, Drobizhev 1976 – *Vdovin A.I., Drobizhev V.Z.* (1976) The growth of the working class in the USSR in 1917–1940. Moscow: Mysl', 264 p. Available at: <https://archive.org/details/19171940.OCR/Вдовин%2CDробижев%20-%20Рост%20рабочего%20класса%20СССР%201917-1940%20гг.%20-%20OCR/mode/2up>. (In Russ.)
- Gastev 1929 – *Gastev A.K.* (1929) Standardization and organization of labor: (General introduction to the problem). Moscow: Knigoizdatel'stvo VTsSPS, 117 p. Available at: <https://traumlibrary.ru/book/gastev-kak-nado-rabotat/gastev-kak-nado-rabotat.html>. (In Russ.)
- Gotman 1928 – *Gotman S.E.* (1928) Labor standardization in industry: From Leningrad practice. Leningrad: Tekhnika i proizvodstvo, 146 p. (In Russ.)
- Gregory 2008 – *Gregory P.* (2008) The Political Economy of Stalinism. Evidence from the Soviet Secret Archives. Moscow: ROSSPEN, 400 p. Available at: <https://djvu.online/file/ylQVlXn63X97q>. (In Russ.)
- Ezhov, Kitanina, Dzenishevich 1975 – *Ezhov V.A., Kitanina T.M., Dzenishevich A.R.* (1975) Workers of Leningrad, 1703–1975: A Brief Historical Essay. Leningrad: Nauka, 359 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32251234>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yleqir>. (In Russ.)
- Zhuravlev, Mukhin 2004 – *Zhuravlev S.V., Mukhin M.Yu.* (2004) «The Fortress of socialism»: Everyday life and labor motivation at a Soviet enterprise, 1928–1938. Moscow, 240 p. Available at: https://vk.com/wall-176345677_2630. (In Russ.)
- History of the socialist economy of the USSR 1978 – *History of the socialist economy of the USSR*: in 7 vol. Vol. 4. Moscow, 519 p. Available at: <https://djvu.online/file/7eZGTmD7XEt3J>. (In Russ.)
- Kustyshev 2019 – *Kustyshev A.N.* (2019) The problems of technical regulation of labor in the manufacturing sector of the NKVD (People's Commissariat of Internal Affairs) – MVD (Ministry of Internal Affairs) of the USSR. *Russian Journal of Economic History*, vol. 15, no. 1, pp. 82–90. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37104620>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ppzmlv>. (In Russ.)
- Markevich, Sokolov 2005 – *Markevich A.M., Sokolov A.K.* (2005) «Magnitka near the Garden Ring Road»: Incentives to work at the Moscow «Hammer and Sickle» plant, 1883–2001. Moscow: ROSSPEN, 368 p. Available at: <https://djvu.online/file/BeNyXMBiz7iGO>. (In Russ.)
- Popov 1929 – *Popov N.K.* (1929) Factory committee and labor standardization. Moscow: Knigoizdatel'stvo VTsSPS, 92 p. (In Russ.)
- Postnikov, Feldman 2009 – *Postnikov S.P., Feldman M.A.* (2009) Sociocultural appearance of industrial workers of Russia in 1900–1941. Moscow: ROSSPEN, 367 p. Available at: https://www.phantastike.com/history/sociocultural_image/pdf. (In Russ.)